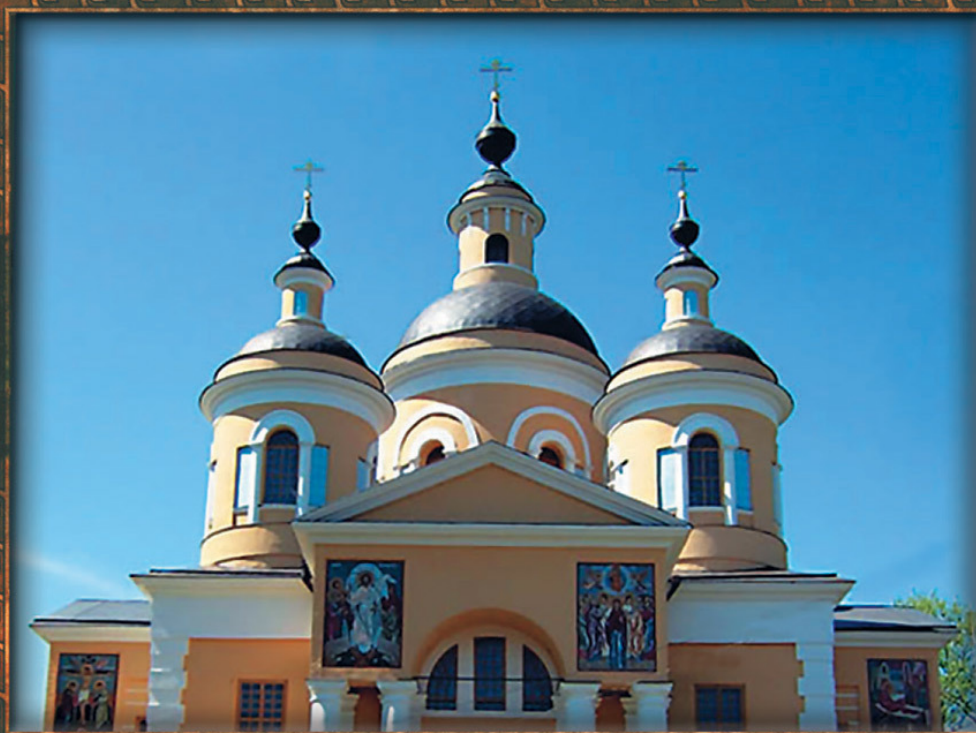

СОКРОВИЩНИЦА

ДУХОВНАА

Святитель Феофан Затворник

О ПОКАЯНИИ, ИСПОВЕДИ, ПРИЧАЩЕНИИ

Духовная сокровищница

святитель Феофан Затворник

**О покаянии, исповеди,
причащении Святых Христовых
Таин и исправлении жизни**

«Издательство Сретенского Монастыря»

1909

УДК 271.2-4
ББК 86.372

святитель Феофан Затворник

О покаянии, исповеди, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни / святитель Феофан Затворник — «Издательство Сретенского Монастыря», 1909 — (Духовная сокровищница)

ISBN 978-5-7533-0773-6

В книгу одного из самых почитаемых в Православной Церкви проповедников и таинников духовной жизни святителя Феофана «О покаянии, исповеди, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни» вошли его слова и поучения во дни Великого поста, подвигающие читателя к желанию перемены жизни, недоброй на добрую, к потребности покаяния и исповеди, достойному приступанию к Святым Христовым Тайнам и сохранению доброго намерения жить исправно.

УДК 271.2-4

ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0773-6

© святитель Феофан Затворник, 1909

© Издательство Сретенского
Монастыря, 1909

Содержание

Предисловие	6
О покаянии, исповеди, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни	7
1. В Неделю мытаря и фарисея	7
2. В ту же неделю	10
3. В ту же неделю	13
4. В Неделю блудного сына	15
5. В ту же неделю	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Святитель Феофан Затворник

О покаянии, исповеди, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 13-303-0280

Печатается по изданию: О покаянии, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни. Слова преосвященного Феофана во святую Четыредесятницу и приготовительные к ней недели. – Изд. шестое Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. – Москва, 1909.

© Сретенский монастырь, 2009

Предисловие

Предлагаемые слова отобраны и издаются в этом составе с той целью, чтобы доставить говеющим приспособленное к их настроению и потребностям духовным чтение, а пастырям, ревнующим о назидании говеющих, дать возможность иметь всегда под руками что предложить с церковной кафедры, коль скоро сами не удосужатся составить свое поучение.

Предметы, в них раскрываемые, – это убеждения к перемене жизни, недоброй на добрую, потребность покаяния и исповеди, достойное приступание к Святым, Пречистым и Животворящим Христовым Тайнам и сохранение доброго намерения жить исправно, какое полагается бывает в покаянии и запечатлевается Святым Причащением.

При собрании слов в сей состав не то имелось в виду, чтобы снабдить известные дни поучениями, а то, чтобы представить насколько можно полное изложение всего благопотребного для говеющих. По этой причине сюда переносятся несколько слов, говоренных в другие дни: по предметам своим они оказались очень нужными в данном собрании.

По этой же причине из дней Страстной седмицы помещаются слова только на вторник, среду и четверток, ибо почти везде говеющие бывают только в эти дни сей седмицы. Последнее замечание сочтено нужным сделать ради тех, кому может показаться странным, отчего на Страстную седмицу так мало здесь слов. Страстная седмица имеет свой неисчерпаемый предмет и требует отдельного состава содержания.

О покаянии, исповеди, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни

1. В Неделю мытаря и фарисея (Лк 18, 10–14)

Вот снова подошли приготовительные недели к Великому посту! Благодарение Господу, сподобившему нас дожить до сего душеспасительного времени! Помолимся, да поможет Он нам и воспользоваться им, по Его благим о нас намерениям. Об этом, впрочем, не нахожу нужным много говорить вам. Не в первый раз встречаете вы время сие; не раз слышали объяснение значения сих дней и указание того, что должно взять себе от них в урок; не раз, верно, и самим делом испытали, как проводятся они на созидание себя и как проводятся на разорение. А при этом какая нужда в пространных наставлениях? Довольно сказать: «Братие и отцы! Сотворите так, как уже знаете, как внушает вам ваша совесть и учит ваш опыт, только чтоб всё обращалось в созидание ваше и спасение душ ваших».

При всем том, не хочу, однако ж, оставить вас без каких-нибудь, хотя и общих, напоминаний в руководство к спасительному препровождению наступившего времени.

Есть больные, которые ездят лечиться на воды. Как издали начинают они помышлять о предстоящем путешествии и как заботливо готовят все, чтоб скоро и удобно доехать до целительных вод и сколько можно плодотворнее воспользоваться урочным временем лечения! Вот и у нас приближается свой курс спасительного врачевания душ наших – святой пост. И мы будем здесь и купаться в слезных водах покаяния, и принимать внутрь многоцелебное врачевство – Тело и Кровь Господа нашего. Надобно готовиться к нему и нам, и притом сколько душа выше тела, столько наша забота о сем должна быть сильнее и действеннее, чем у тех.

На первый раз нет нужды многим себя обременять. Позаботимся только войти в намерения Матери нашей Церкви и воспроизвести в себе указываемые ею приготовительные расположения. В пост будем трудиться над очищением своей совести и исправлением своей жизни. Но как успешность трудов зависит от умягчения сердца сокрушением, то вот Святая Церковь заранее и предрасполагает нас к сему чувству, и разными способами хочет возбудить и укрепить его в нас. Ныне притчей о мытаре и фарисее она внушает нам, что самый верный путь к сокрушению есть уничтожение в себе фарисейского самомнения и укоренение в сердце мытарева покаянного вопля: «Боже, милостив буди мне грешному!» В следующее воскресенье притчей о блудном сыне она научает, что как бы ни было глубоко чье падение, но если он с сердцем сокрушенным и смиренным обратится к Господу, вопия: *Уже недостойн называться сыном Твоим; прими меня в число наемников Твоих*, – будет принят в объятия многомилостивого Отца Небесного. Если бы чья душа оказалась слишком окамененной и нечувственной, Святая Церковь, далее, хочет сокрушить ее, живописуя Страшный Суд. Если же кто так свыкся со своим униженным в грехе состоянием, что стал бы считать его натуральным своим положением и не воображая лучшего, – Святая Церковь воспоминает для такого падения прародителей, чтобы раздражить в сердце его скорбь о потерянном и возбудить ревность к возвращению его, приводя на мысль, как оно было велико и как потому стоит пожалеть о нем и всячески потрудиться, чтобы опять соделаться его обладателем.

Вот намерения Святой Церкви Божией! Войдите в них и ходите по указанию попечительной Матери своей!

На нынешний день и на всю следующую неделю возьмем урок у мытаря и фарисея и будем изучать его. Он короток: не надейся на свою праведность, но, при всем богатстве добрых дел,

всю надежду спасения полагай в милости Божией, из глубины души вопия: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Смотря на фарисея – укорённого, не думайте, что дела правды, благочестия, благотворительности и строгого воздержания ничего не значат пред очами Божиими. Нет! Господь укорил фарисея не за дела, а за то, что он начал хвалиться ими, что на них одних основал всю свою надежду, забыв о грехах, от которых, конечно, не был свободен. Равно, смотря на мытаря, не подумайте, что грехи маловажны пред Богом. Нет! Господь хвалит мытаря не за то, что он грехами своими поставил себя в такое состояние, что и на небо воззреть не был достоин, а за то, что, доведя себя до сего злым произволением своим, он жалел и сокрушался о том, в одной милости Божией чая обрести себе избавление, – хвалит за этот поворот от греха ко Господу, за дух смирения и сердечного болезнования, в котором взывал: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Взяв теперь истинное от того и другого лица, мы получим такой урок: трудись и работай Господу усердно, по всей широте заповедей Его; но надежду спасения полагай – всю – в единой милости Божией. Ты никогда не дойдешь до того, чтобы всегда и во всем быть исправным пред очами Божиими, потому при всей кажущейся исправности своей не переставай взывать из сердца: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Вот урок: напечатлейте его в сердце своем! В пособие вот что сделайте: пробегите в мыслях коротко жизнь вашу и посмотрите, есть ли в ней грехи; грехи – словом, делом и помышлением? О! Конечно, найдется их многое множество! Но если так, то как не взывать каждому: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Соберите потом все дела свои добрые или те, которые самохвальство ваше считает добрыми, и смотрите, много ли их окажется? Сколько могли мы и сколько должны были сделать в 65 дней года; а что сделали?! И эту ли малость выставять на вид, трубя: *Я не таков, как прочие*, – особенно когда против нее стоят беззакония, имже несть числа? Ибо из 24 часов каждого из 65 дней сколько найдется таких, которые не были бы отмечены чем-либо греховным?! А сознав это, как не взывать: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Притом вся ли чиста и эта малость? На каждом ли из сих немногих дел виден ответ славы Божией? Трудясь над ними, не себе ли и человекам угождали мы паче, нежели Богу? А если так, то как давать им какую-либо цену и, смотря на них, выситься в самопрельщении, говоря в себе: *Я не таков, как прочие*? Нет! Наведите только на дела свои необманчивое зеркало правосудия, в слове Божиим начертанного, – трудно поверить, чтобы совесть не заставила каждого из нас взывать: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Может статься, между вами и нет таких, которые в самохвальстве дерзостно вслух говорили бы: *Я не таков, как прочие*; но редкий, думаю, найдется, который не ниспадал бы в сомнение и в самочувствие, когда без слов по сердцу проходят помыслы, дающие немалое значение нашим трудам и нашей деятельности в среде других. Неправо и это чувство самодовольства! Надобно чувствовать, и чувствовать глубоко, что мы совершенно ничего не стоим и ни на чем своем опереться не можем. Опора у нас одна – милость Божия; а эти внутренние самохваления должно прогонять. Один святой подвижник всякий раз, как помысл говорил ему: «То и то у тебя хорошо», подозревая в сем лесть врага, отвечал: «Будь ты проклят с этим твоим “хорошо”». Так делал святой отец; тем паче так следует делать нам грешным.

В нравственном деле нет злее помысла, как помысл сомнения. Он прямо нападает на чувство сокрушения и охлаждает его. Как огонь не может быть вместе с водой, так с чувством праведности не уживается сомнение. Как паралич поражает органы движения, так самочувствие отсекает всякое напряжение сил на добро. Как злая роса губит прекрасные цветы, так обманчивое самодовольство губит в нас все доброе. Изберите же, братие, благое и отриньте злое!

В песнях церковных самодовольный фарисей сравнивается с плывущим по морю на корабле, а самоуничиженный мытарь – с плывущим на худой ладье. Но того, говорит, потопила буря самовозношения ударом о камень гордости, а сего глубокая тишина самоуничижения и тихое веяние покаянных воздыханий привели безопасно к пристанищу Божеского оправдания. В тех же песнях еще фарисей сравнивается с едущим на колеснице, а мытарь – с идущим пешком. Но последний, говорит, припрягая к сокрушению смирение, упредил первого, заградившего себе путь камнями самохваления.

Слыша такие внушения, братие, умудряйтесь тако тещи́, да постигнете. Пусть будут у вас море – слезы, ладья – самоуничижение, ветры – воздыхания, а мытарев глас – все распоряжения по плаванию. И несомненно достигнете вы в пристанище милосердия Божия и скоро вступите на берег оправдания, где вкусите сладостный покой совести в Божием всепрощении.

Да дарует сие великое благо всем нам щедродательная Божия благодать! Аминь.

12 февраля 1861 г.

2. В ту же неделю

С нынешнего дня начинается Триодь постная. Се начинает веять постом! Надо готовиться к сретению его, и не к нему только, но более к тому, для чего установлен пост – к покаянию и исправлению жизни неисправной. И вот вы слышите умиленную песнь: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»

Отверзи двери покаяния! – Кто же их затворил?! Они отверсты крестом: стоят и будут стоять отверстыми для всех людей, пока стоит мир, а для каждого из нас – пока есть дыхание жизни в ноздрях наших.

Так, отверсты двери милосердия Божия, – и кто затворит их? Но вход к сим дверям проведен чрез другие двери – двери сердечного болезнования и сокрушения. Надо прежде пройти эти, чтобы потом войти в те. Возболезнуй и сокрушись, и Господь примет тебя!

Сокрушись – а сердце не сокрушается; возболезнуй – а оно не хочет болезновать. И вот запертый в себе человек окаменением сердца и не имея сил совладать с собой, вопиет к милосердому Богу: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» Твоя дверь всегда отверста, Господи; но моя – заперта, и нет мне выхода! Моего окамененного сердца дверь отверзи мне сокрушением, чтобы выйти мне к Тебе и войти в двери Твоего милосердия!»

Внемлет Господь воплю человека бедствующего и дает ему познать, как надо действовать на себя, чтобы отворилась дверь сердца его. Вчера пели мы: «Покаяния отверзи ми двери»; ныне в ответ на то слышим от Господа притчу о мытаре и фарисее. В следующее воскресенье в ответ на ту же песнь услышим притчу о блудном сыне. Далее, с той же целью приведетсЯ нам на память картина Страшного Суда и падение первозданных прародителей наших. Господь говорит как бы нам: «Действуйте по указанию истин, возвещаемых вам сими евангельскими сказаниями, и, может быть, достигнете того, что отверзутся наконец двери сердца вашего сокрушением». Чаёт Он, что как тяжелый молот, ударяя о камень, разбивает его и умельчает, так и истины сии, одна другой поразительнее, сокрушат наконец окаменение сердца нашего, извлекут из него вопли раскаяния и выжмут слезы умиления.

Войдемте же, братие, в намерения Божии и последуем спасительным указаниям Господа милосердного. Изменяет сердце Господь; но нам и самим надобно подвигать и нудить себя и, по крайней мере, не препятствовать вседействию в нас спасительной благодати Божией.

Нынешняя притча о мытаре и фарисее указывает главное в нас препятствие к сокрушению сердца в чувстве своей праведности и научает нас прогнав это чувство установиться в расположении мытарева духа, чтобы его словом вопиать: «Боже, милостив буди нам грешным!» Господь выставляет двух человек и говорит как бы нам: «Вот, смотрите – приходили ко Мне двое; один смело приступил, уверенный в своей праведности и своих предо Мною заслугах, и не получил оправдания; а другой воззреть на Меня не мог, а только бил себя в перси и просил милости, и Я помиловал его. Идите и вы творите так же. Сбросьте эту пагубную одежду самооправдания, облекитесь во вретище самоукорения – и будете помилованы».

Самодовольство и самооправдание – это самая пагубная прелесть, в которой враг успевает задерживать очень многих и не совсем худых людей. Прелесть сия ноги подкашивает и останавливает шествие. Кто чувствует себя праведным, тому какая нужда много беспокоиться и искать милости? Цель достигнута: праведен человек; что и трудиться? Остается только посматривать кругом, себя высить, а других уничтожать. На самом же деле это значит – помыслом разорять то, что достигнуто трудом, и губить себя. Вот почему в отеческих наставлениях непрестанно повторяются уроки смирения и самоуничтожения и с особенным напряжением выставляются укоры самомнению и самовозвышению.

Кто хочет разогнать сей туман прелести, пойдемте учиться сему у фарисея. Фарисей, кажется, не считал нужным скрываться: он откровенно высказал, что у него на душе, и тем обличил сеть врага, которою опутал он его бедную душу и держал ее в самопрельщении.

«Не таков, как прочие». Первая прелесть! Фарисей был не худого поведения. Посмотрел он на явных грешников и естественно счел себя лучше их. Но зачем было ему смотреть на неисправно живущих? Посмотрел бы он на живущих хорошо. Увидел бы, конечно, очень много таких, которые гораздо выше его по жизни, – и уж не сказал бы этих пагубных слов: «Не таков, как прочие».

Вот и наука нам, братие. У врага всегда та же уловка – и теперь, как и тогда. И теперь, как и тогда, внушает он: «Вон – посмотри, и тот такой-то, и этот такой-то, ты же совсем иное дело!» Послушает бедный человек этой лживой речи и в самом деле начинает думать, что он хорош, а там – отуманивается самомнением и лишается милости Божией. Но зачем тебе смотреть на живущих нерадиво? Смотри на строгих ревнителей добродетели и благочестия, и просветишься познанием своих недостатков. Или лучше не смотри ни на кого из живущих здесь, ибо кто чист? Минуй всех и содержи в мысли только те образцы, которым подражать обязывает тебя слово Божие. *Будьте подражателями мне, как я Христу* (1 Кор 11,1), – говорит апостол. *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин 13, 15); или: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф 5, 48), – говорит Господь. Вот на кого смотри и с кем сличай жизнь свою! С добродетелями святых апостолов, с деяниями Господа Спасителя, с совершенствами Отца Небесного. В сей чин вставляя себя, кто осмелится подумать: «Не таков, как прочие»? Не скорее ли, стыдом покрывшись и очи потупя долу, вопль испустит из сердца: «Боже, милостив буди»? Тут то же произойдет, что бывает, когда кто вступит в общество высшего тона не зная его приемов или явится в блестящее собрание не в принятой одежде. Так, сопоставление себя с высшими и совершеннейшими бывает самым сильным и действительным врачевством против самомнения.

Далее фарисей говорит: *Поицусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю*. (Десятую часть доходов своих раздаю бедным и на церковь.) Вот вторая прелесть! Смотреть только на одни дела правые, скрывая от себя самого грехи свои, и в делах правых смотреть только на внешнюю их сторону, не обращая внимания на внутренние чувства и расположения, с какими они совершаются. Так поступал фарисей и омрачался самомнением. Не делал он правильного осмотра дел своих и не шел в сем деле правильным путем. «Я, – говорит, – то и то добро сделал». Но сколько было случаев, в которых не сделал он добра, которое мог и должен был сделать, и сколько было таких, в которых сделал зло вместо добра, об этом молчит, покушаясь скрыть то и от себя, и от Бога. «Остановись, фарисей, – сказать бы ему, – припомни-ка и все зло свое и потом, положив на одну сторону добро свое, а на другую всю массу злых дел своих, смотри, что выйдет? И наперед можно угадать, что если б сделал так, не повернулся б у тебя язык сказать: “Не таков, как прочие люди”. Если б затем добросовестно обсудил ты, по каким побуждениям делано тобой то малое добро, о котором говоришь, то есть не по тщеславию ли, не из человекоугодия ли, не затем ли, чтобы вес возыметь и выгод своего положения не потерять, не потому ли, что так сложились обстоятельства, сердце же не лежало к ним; вообще: угождение ли Богу и славу Его имел ты в мысли или себя и свои интересы? Если б обсудил ты с сей стороны свое малое добро, не осталось бы у тебя ничего, кроме опасливого вопля: “Боже, милостив буди мне грешному!”» Не сделал этого фарисей – и попал в сети самохвальства, и за самооправдание покрыт Божиим осуждением.

Итак, хотите ли, братие, избегать опасного самопрельщения, учитесь сему у фарисея по противоположности: не делая того, что он делал, и делая то, чего он не делал. Когда подступит враг и начнет трубить в сердце вашем пред вами, что вы не то, что другие, то и то хорошо делаете, возьмите вы себя и начинайте водить по всем худым делам своим, толкуя себе: «А это кто сделал? А это кто? А это кто?» Тогда пробудится обличительный голос совести и заглушит

это смутное шептание самовосхваления: «Не таков, как прочие!» Если, несмотря на то, сердце все еще будет надыматься самовозношением, обличите его самого строгим укором, говоря: «Пусть и было сделано какое добро, но ты злыми своими помышлениями все его перепортило и пересквернило то тщеславием, то человекоугодием, то чаянием каких-либо сторонних выгод; если же при совершении каких дел и не было таких чувств, ты теперь сквернишь их и отнимаешь у них все достоинство тем, что надымаешься ими!» Так обличив себя, мы отнимем у себя всякую опору к самооправданию, и нам некуда будет обратиться, как только к заступлению единой милости Божией, к которой и начнем нелицемерно вопиять: «Боже, милостив буди нам грешным!» О, когда бы помог нам Господь войти в сии оправдательные чувства мытаря и установиться в них! Кажется, они так естественны для нас; а между тем не всегда-то и нелегко мы встречаем их в себе. Обучать себя надобно и этому, как и всякому добру. Обучать! И вот какой надо употреблять прием к такому обучению: войдемте внутрь себя вниманием. Есть у нас там необманчивое зеркало дел наших – совесть, но зеркало заброшенное, нередко и испачканное. Извлечем его на среду, вычистим и выясним словом Божиим, определительно восстановив в нем написание всех обязательных для нас слов, дел, чувств и помышлений. Установим его потом против своего лица, или сознания, так, чтобы лицу некуда было укрыться и ничем нельзя было прикрыть себя. Как без света видеть ничего нельзя, осветим свою внутреннюю храмину страхом Божиим, при действии которого все черты лица, или сознания нашего, до малейших подробностей и будут ясно видны в зеркале совести. Когда установимся так внутри, то несомненно войдем в чувство мытаря. Не дела только, но и все помышления злые, исходившие и исходящие из сердца, будут печатлеться на лице сознания, отражаться в совести и привлекать суд действием страха Божия. И как мытарь, стоя издали, не смел приблизиться страха ради, не смел воззреть на небо стыдения ради от обличений совести и бил себя в перси, будучи собой недоволен и скорбя о своем безобразии, так и у нас страх будет сменяться стыдом, стыд обличением и обличение болезнованием о себе. И некогда будет рождаться самомнению и возрождаться самовозношению и самооправданию. Ибо как не прекращается деятельность внутри нас, сердце же поминутно кует злая, то минуты не будет, когда бы не было в нас побуждения бить себя в перси и взывать: «Боже, милостив буди!» Блаженное состояние, действительно привлекающее милость и оправдание Божие!

Нам обычно слово: «Я грешный, я грешная», – Богу приятное слово! Но позаботимся, чтобы его не язык только произносил, но и сердце чувствовало. Убедим себя, что чувство праведности есть уклонение на путь пагубы, и потом, мало-мало начнет оно показываться, будем гнать его как самого опасного врага, который подкрадывается, чтобы похитить у нас самое дорогое наше благооправдание пред Богом. Чтобы ни в чем не поблажить этому искушению, распорядимся так, чтобы всякому нашему делу и предприятию предшествовало чувство нашей грешности и было бы оно во главе всего. Милостыню ли подаешь, подавай с мыслью: «Недостойн я за нее получить милость Божию». Пост держишь или другую какую строгость налагаешь на себя, такие имей при этом мысли: «Другие этим сумму дел своих достохвальных увеличивают, а мне это епитимия, надо потрудить себя за грехи свои». В церковь идешь или дома совершаешь молитвословие, говори себе: «Потружу себя, быть может сжалится Господь и простит мне грехи мои». И особенно в деле молитвы, умом и сердцем к Богу обращаясь, не зрите себя иначе, как самыми неисправными и более всех требующими милости Божией, подобно святому Пимену, который говаривал: «Я на себя так смотрю, как на человека, который по шею погряз в тине, и только уста вопиют: “Боже, помилуй мя!”»

Так устроясь, благодатью Божией избежим мы прелести самомнения и устраним главное препятствие к отвержению двери сокрушения сердечного, выйдя которой, конечно сретим и двери милосердия Божия! Аминь.

9 февраля 1868 г.

3. В ту же неделю

Мытарь и фарисея представляет ныне очам нашим Святая Церковь. И кто не возжелал бы сподобиться блаженной участи первого избежать горького осуждения второго? Грешны мы и, может быть, грехолюбивы; но есть ли кто, который хотел бы и погибнуть во своих грехах? Приидите же, поучимся у мытаря, как, несмотря на грехи, избежать участи осужденных и привлечь милостивое оправдательное слово Господа.

Мытарь не смеет возвести очей на небо: ему стыдно; срам покрывает лицо его души. Мытарь бьет в свои перси: он сознает себя достойным всякого наказания за злое произволение своего сердца. Но он не бежит от Бога и не отчаивается в своем спасении; а к Тому же, Кого оскорбил и Кто готов праведно наказать его, к Тому Самому благонадежно обращаясь, взывает: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Устыдим же себя, восприяв в чувство срамоту и унижение греха; осудим себя, дав всю силу гласу совести или нелицемерной правды Божией, чрез нее вещающей; но притом вслед за мытарем поспешим и в своей душе образовать тот же вопль: «Боже, милостив буди нам грешным!»

Все это от тебя самой зависит, грешная душа. Ты сама, а не другой кто, должна воспроизвести в себе все это и восчувствовать. Мытарь бил в перси свои; но он еще прежде сего помышлениями ума избил душу свою и изранил свое сердце. Войди же в себя, собери спасительные помышления и ими попекись сокрушить ожестившее свое сердце. Вознесись горé, ниспустиись в преисподняя; осмотри себя и окрест себя и всюду ищи стрел – на поражение, бичей – на уязвление, молотов – на умягчение окамененного своего сердца.

Помяни милости Божии к тебе и устыди себя. Помяни правосудие Его и устраши себя. Помяни близость конца и поспеши умилиловать нераскаянного Решителя участи своей. Саму себя узами самовластия твоего привлеки к себе и хоть по чувству самосохранения извлеки из себя эти спасительные внушения и ими себя проникни.

Говори себе: «Ущедрил тебя Господь в творении, промыслении, более же – в искуплении, – баней пакибытия обновил тебя, питал тебя Плотью и Кровью Своей и едино с Ним через всю вечность обетовал тебе; сколько раз падшую восставлял, нечистую очищал, больную духом врачевал, сколько раз давал тебе ощущать близость Свою и объятия любви Своей, сколько раз давал вкушать сладость пребывания в воле Его и в исполнении святых заповедей Его! Все это презрено тобой; ни во что все попечения о тебе; назад заброшены все милости к тебе.

Бог держит тебя в деснице Своей. Он близ есть и видит все движения сердца твоего. Это пред лицом Его ты позволяла себе сочетаваться с лукавыми помышлениями, противными Ему. Это пред лицом Его ты разгоралась страстями, кои суть мерзость Ему. Это пред лицом Его ты делом совершала зачатый внутри грех, оскорбляющий Его.

Ты знала, что это зло, и – не уклонилась. Могла не хотеть – и похотела. Могла, похотевши, не делать – и сделала. Никто не неволил тебя. Злое произволение твое царило в тебе и по злым путям влачило тебя.

Грех манит к себе сладостью, а потом мучит тлетворной горечью. И вот свет ума померк в тебе; змии страстей грызут тебя, и туга крайнего недовольства томит тебя. Ты похожа на иссохшую ветвь, на разбитый сосуд, на птицу с выщипанными перьями. И это еще не конец. Помни, что хврастию сухому конец – пожжение, в котором горят и не сгорают».

Сии и подобные помышления внедряй в душу свою, грешник, и усвести ее возыметь стыд и омерзение ко греху и греховному состоянию своему, восчувствовать досаду на злой произвол свой и опасение за вечную участь свою. Это произведи, дальше же не иди и не оступись в пропасть нечаяния и отчаяния. От Бога же не беги; ибо куда убежать от Него?! Он держит тебя в узах бытия, и ничтожество не поглотит тебя, хотя бы ты и хотел того. К Нему

убо прибегни и в лоно милосердия Его пасть устремись. Ты живешь еще на земле. Живодавец длит твою здешнюю жизнь, чтобы длением милости привлечь тебя к Себе. Он дает тебе еще жить, ожидая, что ты наконец бросишь грех и обратишься к Нему. Ты – смоковница, еще на год оставленная в вертограде живущих на земле. Умудрись же воспользоваться даром сим.

У евреев были грады убежища. Укрывавшиеся в них избегали ударов мщения. Для грешника град убежища – покаяние. Сюда прибегни и укройся от меча правды Божией. Сам Бог, готовый карать, указывает тебе это убежище и зовет в него. От потопа одна была отверстая дверь спасения – дверь ковчега. Одна дверь спасения и от потопа греха – дверь покаяния. Слышишь – поют: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» Иди! Отверсты, и рука изнутри простерта к принятию тебя. Смотри – все вошли! Вон – исповедавшийся разбойник приближается и получает в наследие рай; приходит обремененная грехами блудница и слезами уничтожает рукописание; Закхей кается пред Господом и оправдывается; Петр плачет и приемлется; а Давид давно там. И весь дом наполнен грешниками – оправданными. Сам Домовладыка дружелюбно вводит всех кающихся и их, отчуждавшихся от Него, чрез покаяние соделывает Своими присными.

Воодушевься же! Подойди и ты и, став подле мытаря, его гласом воззови: «Боже, милостив буди и мне грешному!»

И будешь несомненно помилован и спасен, если доведешь себя до того, чтобы из сердца твоего искренно исторгся такой покаянный вопль. Оправдавший мытаря и тебя оправдает, когда взойдешь в подобонастроение ему. Сказавший: «Егда вздохнув воззовеши, тогда спасеши» – спасет и тебя, если и ты так же сильно вздохнешь и воззовеши. Призывающий к Себе всех труждающихся и обремененных, чтобы упокоить их, упокоит и тебя, когда, восчувствовав бремя грехов, к Нему прибегнешь, ища покоя от угрызений совести.

Такого мытарева благонастроения и такой, ради Его, свыше даруемой милости оправдания да сподобит Господь и всех нас грешных! Аминь.

24 января 1865 г.

4. В Неделю блудного сына (Лк 15, 11–32)

В прошедшее воскресенье учила нас Святая Церковь смиренным чувствам раскаяния, которыми привлекается милость Божия; ныне хочет она возвесть нас до воодушевленной решимости оставя грех идти путем правым к Отцу Небесному. Для того в притче о блудном сыне, с одной стороны, изображает горестное состояние грешника в отпадении от Бога, с другой – отраду и покой, в какие кающийся приемлется Небесным Отцем. Пойдемте вслед сего грешника за его падением и восстанием. Редкий из нас, здесь присутствующих, не найдет в нем своей истории, в каких бы то ни было чертах – светлых или мрачных.

Возвратитесь мыслию к тому времени, когда в прошлый год мы поговели, исповедались и причастились Святых Христовых Таин. В каком блаженном состоянии была тогда душа наша! Как светло все виделось ей: и в себе, и вокруг себя, и над собою, и в дали прошедшего, и в глубине будущего! Какая тишина царствовала в области сердца! Какой пошел порядок в жизни, какая степенность в замыслах и крепость в исполнении добрых преднамерений! Какая готовность искать единого Бога и ходить неуклонно путем заповедей Божиих! Нам казалось, что никого нет блаженнее нас, и мы говорили себе: «Никогда уже не изменим теперь начатой исправной жизни, чтобы никогда не потерять сей отрады и всегда принадлежать Небесному Отцу, прикосновение попечительной десницы Коего так сильно ощущало тогда сердце наше».

Как действительно блаженны те, кто самым делом устояли, хотя не в полной мере, в этих благих расположениях своих и обещаниях совестных! Но все ли таковы? Не большая ли часть из нас повторила историю блудного? Припомните!.. Вот прошел вразумительный и остепеняющий пост, и настали светлые праздники; за ними подошло цветущее и улыбающееся время года.

Мы позволили себе небольшую льготу, как бы какое право отдыха, по выдержании подвига строгой жизни, какую проводили мы дотоле. Чтобы совсем предаться утехам, нам и в голову не приходило. В первый раз мы хотели только однажды прогуляться, не помышляя о дальнейшем. Но это первое развлечение оставило заметный след в душе и довольно расшатало установившийся было благочестивый порядок. Ревность о строгой жизни ослабела, и мысль часто отбегала на вкусенное невинное удовольствие. Иное из положенных благочестивых занятий опущено, хотя не без заметки, но и без должного сокрушения. Вот представился случай, и у нас – опять развлечения и утехы. Тут мы утешались уже смелее; и если благие мысли приходили остепенять нас, мы отвергали их с дерзостью как безвременные. Плодом сего были мрак и смятение. Мы чувствовали, как тяжело и стеснительно принятое нами правило благочестивой жизни, и нам часто впадало на мысль, не бросить ли; придет-де благоприятное время, опять начнем работать Богу, а теперь можно послабить. И пошло послабление за послаблением! Между тем привычная страсть подняла голову и начала свои беседы с сердцем. Как знакомые скоро опять сладили! Попускались соуслаждения и предметами, и делами страсти. Соуслаждения колебали волю. Частые повторения этого внутри родили склонение на прежнее; произошло сосложение с грехом – и внутреннее падение совершилось! Представился случай, и падение совершено уже и делом. Далее падение за падением, – и все – внутри и вне – пришло в прежнее греховное настроение. Нравственное расстройство было полное; и мы стали похожи на блудного сына, когда он, все промотав в удалении от отца, пас свиней и питался их пищей.

Сличи, подвергшийся этому несчастью, то, что теперь есть в тебе, с тем, что было; поскорби и поплачь! Как было все светло, а теперь мрак вокруг: все чистые понятия и спасительные истины Божии будто покрадены и на мысль не приходят, а придя, кажутся очень невнятными. Как отрадно было нам присутствовать в церкви, а теперь холодом веет от всего

церковного; тогда идти не хотелось от священнодействий, а теперь мы бегом бежим от них. Внешнее наше состояние не изменилось, может быть; но внутри тоска и туга точат сердце. И никакие уже утехи и услаждения не могут утолить этого безотрадного внутри томления! Все сие ведаешь падший и испытывает делом и, может быть, ведаешь и испытывает более того, что может сказать описательное слово стороннего наблюдателя. Но, бедная душа! Ужели не возвратно предашь ты себя в руки падения своего? И, поревновав падению блудного, не поревнуешь подражать ему и в восстании?

Приди в себя! Смотри, какое там запустение, какое оскудение во всем и расстройство! Это ли красота, какой украшена ты в творении и какой украшал уже тебя Господь – Искупитель твой? Тебе ли, образ Бога носящей, так пресмыкаться долгу и валяться в нечистотах? Воскреси в мысли достоинство свое и поревнуй восстановить его!

Не смотри на то, что внешние твои соотношения исправны. Не это дорого, а дороги твои вечные отношения к Богу и святым Его. А они каковы?! Мысль о Боге страхом поражает, но не страхом сына, а страхом преступника. Так ли сему подобает быть у нас, чад Божиих?! Поставь себя в сонм Ангелов и святых. Устоишь ли среди них? Конечно, нет. Но так ли сему подобает быть у нас с тобою, призванных быть сожителями святых и присными Богу? Что же? Так и останешься и не поревнуешь упорядочить эти расстроившиеся отношения?! Поспеш же – или погибнешь!

Ныне – завтра смерть. С закрытием глаз закроются для нас двери милосердия Божия, если не попечемся войти в них прежде того. А тогда что? – О! Той беды и слова выразить нет сил! Не отлагай же! Вот подходит благоприятное время святого поста. Отселе еще положи намерение воспользоваться им во спасение и готовься к тому. Всячески сам себя шевели и раздражай уснувшую ревность о спасении всеми способами, какие оставлены твоей свободе всеустрояющей Божией благодатью.

А Господь близ! Он ждет только, чтобы ты сказал: «Восстав, иду!» И прежде чем приблизишься ты к Нему, Он сретит тебя и заключит в отеческие объятия любви Своей. Смотри, сколько уже обитает в доме Его рабов, служащих Ему! И между ними сколько таких, которые падали падением, подобным твоему! Смотри: вот Магдалина, вот Закхей, вот Мария Египетская, вот Пелагия и прочие, им числа нет. Не отчаивайся же и ты; но и не медли. Беззаконий твоих не помянет Господь и за радость возвращения твоего, которое обрадует все небо, возвратит тебе все потерянное тобою.

Все это знаешь сам. Испытал уже сладость восстания, его удобства и утешительные плоды. Возымел ты несчастье снова пасть; поспеш же осчастливить себя новым восстанием. Сколько бы ни падал кто, Господь любовно примет его, когда тот восстанет. Но если он бросит себя и с услаждением обречет себя на то, чтобы валяться в тине греховной, бросит и его Господь, и кто весть, вспомнит ли о нем когда?! Возбуди же сию память Божию о тебе своей заботой о восстании, и Он приидет и Сам восставит тебя; подаст тебе всемогущую руку Свою и извлечет из глубины, в которой погрязаешь ты. Не отложи воспользоваться оставшейся еще для тебя мерой долготерпения Божия и все употреби, чтобы воодушевить себя на труд восстания. Собери вокруг сердца все возбуждающие истины – и с неба и с земли, и от настоящего и от будущего, чтобы взойти наконец до решимости сказать: «Восстав, иду!» И затем встань и иди! Иди к Отцу Небесному, Который ждет тебя, и не только ждет, но и ищет, и всеми мерами печется об обращении твоём, изъявляя готовность быть благопоспешником тебе в сем трудном и решительном для тебя деле.

Сего пожелаем мы ныне взаимно друг другу, в большом ли или в малом кто находится падении, пожелаем и понудим друг друга, чтобы не поодиночке, а всем вместе возвратиться к Отцу и стать едино с Ним, и всем домом Его, и всем царством спасаемых, ублаженных вовеки. Аминь.

19 февраля 1861 г.

5. В ту же неделю

Притча о блудном сыне, которую вы ныне слышали в Евангелии, есть, может быть, живая история не одного из нас, здесь присутствующих. Припомните прошедший пост! Как остепенились мы, как начали говеть, как каялись, получили разрешение и приобщились Святых Христовых Таин. Ради нашего покаяния и обещания жить исправно Отец Небесный отдал нам присужденную Его благодатью часть благодатного достояния нашего. Хорошо было нам в тихом и светлом доме Отца! Но вот настала весна, и начались развлечения и увеселения. Внимание рассеялось, и ревность духа гасла и гасла. Затем следовало падение, сначала, может быть, внезапное; за ним второе, третье и так далее. Душа ожестела; понятия омрачились; чувства и желания огрубели. И к настоящему времени мало ли таких, кто совсем походят на блудного сына, оскудевшего и гибнущего от голода?

Но если подражали мы блудному сыну в падении, поревнуем подражать ему и в восстании, расточили мы, подобно ему, свое благодатное достояние; поспешим теперь, подобно ему же, снова возвратиться в объятия Отца Небесного, всегда простертые к принятию нас. На то назначен подходящий пост. Притча же о блудном читается ныне затем, чтобы заблаговременно напомнить нам дело поста и предрасположить к построению в уме нашем всего пути восхождения ко Господу, от Которого удалились.

Будем же учиться сему у блудного сына. Чем началось обратное шествие блудного к отцу? Тем, что он пришел в себя. Это и для всех – первый шаг в движении от греха к Богу; можно сказать, еще и не шаг, а только начало шествия, точка отправления. Грех погружает душу в сон самозабвения, нечувствия и беспечности. И глубоко спит грешник! Но как спящего надо разбудить, чтобы он встал и пошел, так и грешнику надо быть возбуждену от греховного усыпления, чтобы, пробудившись, увидел он опасность своего положения и взмог до решимости встать и идти ко Господу. Для сей-то цели возбудительные гласы слышатся отовсюду окрест нас. И совесть, и Слово Божие, и слово отеческое, и чин Святой Церкви, и чин создания Божия, и обстоятельства счастливые, и обстоятельства несчастные – все будит, все говорит грешнику усыпленному: «Востани, спяй! востани, и освятит тя Христос». Что будет говорить нам пост, что великопостное пение и чтение, что сам благовест тогдашний, как не то же слово: «Востани, спяй, и воскресни от мертвых».

Возбуждает собственно Дух Божий, проникая до духа человеческого. Но нам надобно и самим себя тревожить, ибо без нас и Дух Божий ничего не произведет в нас. Молись и проси Господа о возбуждении, но и сам не сиди спустя голову и сложа руки; сам раздражай в себе дух заботы о спасении своем и о славе Божией. Действуй противоположно тому, что сделал с тобой грех. Как туман густой, осев, скрывает от наших взоров все предметы, так грех покров за покровом налагает на очи ума нашего и скрывает от него все предметы, которые он должен видеть непрестанно и в видении их ходить.

Дух наш создан для Бога и Божественного порядка вещей, в созерцании которого должен пребывать, и в нем, как в атмосфере какой, ходить и действовать.

«Бог, в Троице поклоняемый, мир сотворивший и о нем промышляющий, спасает нас в Господе Иисусе Христе, благодатию Святаго Духа, во Святой Своей Церкви, веры ради и жизни по вере, очищая нас в сей жизни, чтобы за малый здешний труд в другой жизни вечным покоем успокоить нас».

Вот Божественный порядок! В сем-то Божественном порядке неисходно должен пребывать вниманием дух наш, чтобы жить и действовать сообразно с ним. Но грех, придя, все то исторгает из внимания и увлекает его в порядок вещей совершенно противоположный, в котором Бог забыт, забыто благодатное домостроительство, забыты смерть, будущая жизнь и праведное воздаяние. Видятся только прилежащие блага и чувственная жизнь, не чающая конца

себе. Вот в этот-то туман нисходит луч Божией благодати, чтобы возбудить грешника, стряхнуть ослепление с его очей и, взяв как бы за руку, извлечь на свет сознания порядка Божия. Но ты, ведущий сей порядок, возмись и сам тут же действовать. Собери внимание свое и проходи сей порядок – весь, от начала до конца. Помяни, как Бог, сотворив все словом, отличил тебя от всех тварей и образом Своим почтил; как ты пал и Бога прогневал и как наказан изгнанием из рая; как Бог, сжался над тобой, обещал послать Спасителя; как пришел Господь и Спаситель и спас тебя Своей крестной смертью, как даровал благодать Святаго Духа и проч.; как все сие ты пограл беспечно-беззаконной жизнью; как со дня на день ожидает тебя смерть и по смерти суд и воздаяние по злым твоим делам. Пройди весь сей порядок умом твоим или не однажды пройди, а только и делай, что проходи, сколько сил и времени достанет. Когда будешь так делать с усердием, может быть засеменится в сердце твоём опасение за себя, а там и забота о спасении своём. Это же чувство, родившись, приведет в напряжение ослабевшие от нерадения духовные силы твои и родит не помышления только, но и желание перестать наконец валяться во грехе и обратиться ко Господу.

Вот это и есть прийти в себя, или пробудиться от сна греховного: войти вниманием, сознанием и чувством в Божественный порядок и через то восчувствовать опасность своего пребывания во грехе, возыметь заботу выйти из него.

Юноша раззавратившийся что говорил, придя в себя? «Сколько наемников у отца моего избыточествует хлебом, а я умираю от голода!» Это то же, что: как хорошо у отца моего и как худо мне, отбежавшему от отца! Как светел, утешителен и блажен Божественный порядок и жизнь в нем, мне определенная; и как худо мне, живущему во грехе, самовольно ишедшему из того порядка и отчуждившемуся от него! Какая же нужда мне самому на себя наветовать и себя губить? Востав, иду! Брошу грех и начну жить по Богу!

Востав, иду – это второй шаг в шествии от греха к Богу. В первом грешник приходит только к помышлению и желанию оставить грех, а здесь самым делом решается оставить его. Там только пробудился он от греховного сна, а здесь встает и хочет идти. Кого пробудили, тот может опять заснуть, не встав. Иного разбудят, а он тотчас опять заснет; опять разбудят, а он опять заснет. Иной пробудится и знает, что надобно встать, но так лежит – не спит и не встает. Все это в разных видах повторяется и в духовной жизни. Пробудится грешник и опять предаётся сну беспечности, опять пробудится и опять засыпает. Иной чувствует и побуждение оставить грех, но все еще остается в грехе, как бы смелости не имея оторваться от него. – Вот почему и после того как увидена и восчувствована необходимость исправиться и переменить жизнь, не должно думать, что уже все сделано. Нет! Надобно еще возбудить в себе напряжённую решимость тотчас же расстаться с грехом и всем порядком греховной жизни и начать жить по всем сознанным условиям богоугодной жизни. И это есть главное дело в обращении к Богу, или это-то и есть самообращение. Тут совершается перелом воли, после которого она уже не хочет греха, гнушается им, отвращается от него; и, напротив, напрягается любить и делать одно добро, Богу угодное.

Как совершается сей перелом, трудно определить. Он происходит во святилище духа нашего, сокровенно и потаенно, как сокровенны все зародыши жизни. И тут, как и в первом шаге, все совершает благодать, но опять не без нас. Как и что творит благодать? Ее премудрые устройства кто исследит? А что нам надобно делать, то определим в коротких словах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.